

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.028

УДК 32.327

ГУАНЬ ШАОЯН

лектор Даляньского университета
иностранных языков, КНР, г. Далянь
E-mail: guanshaoyang@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0763-9726

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК» И ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ⁵

В условиях фундаментальной трансформации глобального миропорядка стратегическое партнерство России и Китая приобретает качественно новое измерение. Настоящее исследование предлагает комплексный междисциплинарный анализ динамики двустороннего сотрудничества в контексте реализации российской стратегии «поворота на Восток» и кардинальных изменений геополитической архитектуры Северо-Восточной Азии. Основные результаты исследования демонстрируют многоуровневую эволюцию партнерских отношений, которая прослеживается по трем ключевым направлениям. В экономической сфере наблюдается переход от традиционной торговой модели к комплексной интеграции, включающей создание совместных производственных цепочек, технологический обмен и финансовую координацию. Особого внимания заслуживает реализация масштабных инфраструктурных проектов, таких как газопровод «Сила Сибири» и трансграничные транспортные коридоры, которые формируют новую экономическую географию региона. В сфере безопасности партнерство характеризуется углублением институциональных форм сотрудничества, включая регулярные консультативные механизмы, совместные учения и координацию в области кибербезопасности. На глобальном уровне взаимодействие двух стран способствует формированию альтернативных моделей управления, основанных на принципах многосторонности и уважения национального суверенитета. Методологическая новизна исследования заключается в применении комплексного подхода, сочетающего анализ статистических данных, экспертные интервью и case-study конкретных проектов. Особый акцент делается на выявлении «эффекта синергии», когда российские природные ресурсы и транспортно-логистические возможности оптимально сочетаются

⁵ Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта высших учебных заведений по теме «Критическое когнитивное исследование мультимодальной метафоры в рекламном дискурсе с позиций цифрово-интеллектуального управления обществом» при поддержке Департамента образования провинции Ляонин, номер объекта: LJ112510172007. 本文系辽宁省教育厅高等学校基本科研项目 “数智社会治理视域下广告话语多模态隐喻批评认知研究” 成果 (项目编号: LJ112510172007).

с китайскими технологиями, производственными мощностями и инвестиционными ресурсами.

Ключевые слова: стратегия «Поворот на Восток», ситуация в Северо-Восточной Азии, Китай, Россия, китайско-российское сотрудничество, геополитическая экономика, механизмы сотрудничества в сфере безопасности, глобальное управление.

1. Введение. В контексте переформатирования глобальной системы власти и фундаментальных изменений геополитической среды Северо-Восточной Азии происходит историческое совпадение двух значимых процессов. С одной стороны, это последовательная реализация российской стратегии «Поворот на Восток», с другой – углубление всеобъемлющего партнерства стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

Настоящее исследование предлагает принципиально новый аналитический подход. Рассматривая стратегию «Поворот на Восток» через призму региональных особенностей Северо-Восточной Азии, автор осуществляет комплексный анализ синергетических эффектов китайско-российского сотрудничества. Особое внимание уделяется трем ключевым направлениям – интеграции экономических пространств, созданию инновационных механизмов безопасности и трансформации системы глобального управления.

С теоретической точки зрения исследование вносит существенный вклад в развитие научного знания. Оно преодолевает ограничения традиционной геополитической парадигмы с ее статичным подходом к анализу перераспределения власти.

Практическая значимость работы проявляется в создании эффективного инструментария для оценки результатов китайско-российских проектов. Полученные выводы могут быть использованы при разработке рекомендаций по реализации совместных инициатив.

Анализ существующих исследований выявил два существенных пробела в научном осмыслении китайско-российского взаимодействия. Во-первых, большинство работ сосредоточено на макроуровневом анализе стратегической координации, оставляя без внимания микроуровневые механизмы локального сотрудничества. Во-вторых, недостаточно изучено трансформационное воздействие двустороннего взаимодействия на архитектуру регионального управления.

Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы. Его главный вклад заключается в детальном анализе механизма, проявляющегося как на политическом, так и на функциональном уровнях в приграничных зонах сотрудничества. Кроме того, работа убедительно демонстрирует нормативно-формирующую роль китайско-российского тандема в процессах глобального управления.

2. Обзор стратегии «Поворот на Восток». Стратегия России «Поворот на Восток» отражает системный сдвиг геополитических приоритетов страны в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Данная стратегия обладает

двойственной природой. С одной стороны, она направлена на внутреннее развитие Дальневосточного региона, с другой – предполагает укрепление отношений с восточными странами на международной арене.

С исторической точки зрения, эту стратегию можно рассматривать как важный элемент процесса «девестернизации» России, а также как альтернативный путь ее участия в реформировании системы глобального управления [4. С. 65].

Характерной особенностью восточной стратегии России является ее динамичная эволюция. Стратегические мотивы трансформируются в соответствии с изменениями международной обстановки. На начальном этапе (конец XX – начало XXI века) стратегия преследовала цели освоения Дальнего Востока и расширения влияния в Азии. После событий в Крыму в 2014 году акцент сместился на углубление сотрудничества с Востоком как средство противодействия западным санкциям. К 2022 году, на фоне эскалации украинского кризиса и беспрецедентных западных санкций, всестороннее сотрудничество с восточными странами стало для России ключевым стратегическим выбором в реализации политики диверсификации внешних связей [5. С. 6].

С точки зрения концептуальных основ, стратегия «Поворота на Восток» представляет собой логическое продолжение и практическую реализацию российской концепции многополярной дипломатии [2. С. 10]. Россия позиционирует себя как один из ключевых полюсов международной системы, что придает ее стратегическому смещению на восток глубокую объективную обусловленность. Во-первых, за последние два десятилетия азиатский регион продемонстрировал впечатляющий экономический и культурный подъем, при этом вектор глобального экономического роста все отчетливее смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Во-вторых, международный статус России находится в прямой корреляции с уровнем ее влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В-третьих, ситуация с безопасностью на Ближнем Востоке и стратегические отношения с ключевыми странами, такими как Индия, имеют для России принципиальное геополитическое значение.

В условиях сложившейся структурной конфронтации с Западом, активизация восточного вектора внешней политики становится для России императивным стратегическим выбором в деле сохранения своего международного влияния.

3. Геополитические особенности Китая в Северо-Восточной Азии – перспективы сотрудничества. Северо-Восточная Азия представляет собой стратегически значимый геополитический регион для Китая, безопасность которого имеет первостепенное значение для национальных интересов государства. В контексте обеспечения национальной безопасности данный регион выполняет функцию буферной зоны, защищающей северо-восточные рубежи Китая и столичный экономический кластер, где любые изменения оперативной обстановки оказывают непосредственное воздействие на дислокацию войск и состояние пограничной безопасности. С экономической точки зрения, будучи интегрированным в общерегиональную экономическую систему, Северо-Восточный регион

Китай демонстрирует устойчивую динамику развития. По итогам 2024 года объем внешнеторгового оборота региона составил 1,25 трлн. юаней при положительном годовом приросте в 1,6%, что свидетельствует о прямой взаимосвязи регионального развития с реализацией стратегии Возрождение Дунбэя [3]. В геополитической плоскости регион превратился в эпицентр стратегического противоборства между Китаем и США, где американская сторона, оперируя контингентом численностью 80 тыс. военнослужащих и нарастив интенсивность военных учений на 45%, последовательно формирует архитектуру сдерживания в отношении КНР.

Северо-восточноазиатская архитектура безопасности демонстрирует классические характеристики «дилеммы безопасности», структурное противоречие, формирование и развитие которого имеют глубокие исторические корни и современные причины. С исторической точки зрения, региональный порядок безопасности берет начало в Ялтинской системе после Второй мировой войны и сформировался в относительно стабильную биполярную конфронтационную структуру в период холодной войны. В пост-холодновоевропейский период, несмотря на значительные изменения в глобальной геополитической структуре, Северо-Восточная Азия сохранила и даже усилила свою характерную особенность – дилемму безопасности. Механизм формирования этого феномена главным образом обусловлен тремя взаимосвязанными факторами – гегемонистским порядком под доминированием США, институциональным дефицитом региональных механизмов безопасности и продолжающимся усилением стратегического соперничества между великими державами [7. С. 100].

На системном уровне США сформировали базовые контуры регионального порядка в Северо-Восточной Азии посредством своей «хаб-спок-овой» системы альянсов. Данная архитектура безопасности, опирающаяся на американо-японский и американо-южнокорейский военные союзы как ключевые опоры, обладает выраженными чертами эксклюзивности и конфронтационности. Для сохранения доминирующих позиций гегемонистская держава традиционно прибегает к стратегии «оффшорного балансирования», искусственно создавая и поддерживая противоречия между региональными акторами в целях стратегического сдерживания. В северо-восточноазиатском контексте Вашингтон посредством укрепления системы союзов, эскалации северокорейской ядерной проблемы, разжигания территориальных споров в морских пространствах сознательно конструирует и поддерживает состояние «управляемой напряженности». Подобная стратегическая конфигурация позволяет, с одной стороны, эффективно сдерживать возвышение потенциальных конкурентов, а с другой – гарантировать сохранение американской стратегической гегемонии в регионе.

На структурно-топографическом уровне Северо-Восточная Азия демонстрирует характерную конфигурацию «центр-периферия», где стратегическое соперничество Китая и США образует системное ядро противоречий, северокорейская ядерная проблема выступает в качестве перманентного очага напряженности, а территориальные споры в морских пространствах функционируют как фактор

интермиттирующих конфликтов. Данная многоуровневая и многомерная дилемма безопасности обуславливает хронический «дефицит механизмов безопасности» в регионе.

Примечательно, что традиционная теория дилеммы безопасности оказывается не в полной мере релевантной для объяснения специфики северо-восточноазиатской архитектуры. В отличие от европейского контекста, региональная дилемма безопасности проистекает не только из классических факторов международной анархии и взаимного недоверия между государствами, но в значительной степени детерминирована искусственно конструируемыми «структурными противоречиями», целенаправленно воспроизводимыми державой-гегемоном в системных целях.

Для Китая геополитическая среда Северо-Восточной Азии представляет собой ключевой вызов его периферийной дипломатической стратегии. В соответствии с внешнеполитической доктриной «приоритета соседнего региона», КНР последовательно стремится к формированию стабильной и кооперативной региональной системы безопасности. Однако между стратегией сдерживания со стороны США и курсом Китая на добрососедство существует структурное противоречие, которое проявляется в трех основных аспектах. Во-первых, это противостояние между продвигаемым Китаем процессом региональной экономической интеграции и усиливающейся системой военных альянсов США. Во-вторых, институциональное соперничество между многосторонними механизмами безопасности, инициируемыми Китаем, и жесткой системой двусторонних союзов, отстаиваемой США. В-третьих, концептуальный конфликт между новой китайской концепцией безопасности и традиционной альянсовой парадигмой, исповедуемой американской стороной.

В данном контексте стратегическая конвергенция между российским курсом «Поворот на Восток» и китайской политикой безопасности в Северо-Восточной Азии формирует качественно новую геополитическую динамику. Глубинный анализ выявляет три взаимосвязанных уровня стратегического соответствия. В геоэкономическом измерении прослеживается органичная комплементарность между программами развития российского Дальнего Востока и китайской стратегией Возрождение Дунбэя. В сфере безопасности наблюдается согласованность действий по противодействию американской системе альянсов и поддержанию региональной стабильности. На глобальном уровне проявляется единство подходов к построению многополярного миропорядка. Такая многослойная синергия не только создает институциональные предпосылки для углубления российско-китайского взаимодействия, но и предлагает инновационную парадигму для преодоления традиционных дилемм безопасности через развитие альтернативных моделей региональной кооперации.

4. Направления сотрудничества. Конфликт России с Украиной существенно сузил пространство для маневра российской дипломатии, вызвав глубокую трансформацию ее геоэкономических связей, форматов безопасности и роли в глобальном управлении. В этих условиях стратегический «восточный вектор»

России, подкрепленный объективными потребностями Китая в северо-восточном регионе, создал уникальные предпосылки для развития двустороннего сотрудничества в формате «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России».

4.1. Геоэкономический аспект: «восточный прорыв» в условиях западной блокады и формирование новой экономической парадигмы. Инициированный западными странами во главе с США беспрецедентный комплекс санкционных мер после начала российско-украинского конфликта приобрел многоуровневый характер. На международно-правовой плоскости это выразилось в требовании Международного уголовного суда о прекращении специальной военной операции с последующим вынесением 17 марта 2023 года ордера на арест президента РФ, исключении России из Совета Европы и приостановлении ее членства в Совете ООН по правам человека. Массовая депортация российских дипломатов из западных государств сопровождалась попытками маргинализации России в ключевых международных финансовых институтах, включая Всемирный банк, МВФ и G20. Экономическая составляющая санкционного режима, поддержанного даже традиционно нейтральными государствами вроде Швейцарии, включала: заморозку активов, ограничение доступа к финансовым рынкам, экспортные ограничения, отмену режима наибольшего благоприятствования и исключение системообразующих российских банков из SWIFT. Кумулятивный эффект этих мер проявился в массовом исходе из России более тысячи транснациональных корпораций, создав беспрецедентное давление на национальную экономику и объективно способствуя переориентации внешнеэкономических связей России на восточное направление.

Однако, вопреки западным прогнозам о коллапсе, российская экономика демонстрирует признаки устойчивого восстановления, где «восточный вектор» сыграл стратегически важную роль. Эмпирические данные свидетельствуют: за период 2021–2023 гг. товарооборот с «недружественными» странами сократился на 75%, тогда как свыше 60% экспорта было перенаправлено в азиатские государства [11]. Китай, обладая комплексной промышленной системой, растущими позициями в глобальных цепочках добавленной стоимости и емким потребительским рынком, стал критически важным элементом в обеспечении стабильности поставок и технологического суверенитета России. В 2024 году двусторонний товарооборот достиг 244,8 млрд долларов США (рост на 1,9%), при этом доля энергетического сектора, сохраняя более трети общего объема, позволила преодолеть структурные «узкие места» в торговой архитектуре [9].

4.2. Измерение безопасности: новые перспективы сотрудничества «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России». В условиях двойного давления западных санкций и российско-украинского конфликта «Поворот на Восток» России стал неизбежным стратегическим выбором, что создало исторический переломный момент для регионального сотрудничества между Китаем и Россией. Ранее это взаимодействие, находясь на этапе «стратегической стыковки», развивалось медленными темпами, а вспышка пандемии COVID-19 и вовсе привела его к стагнации. Как отмечал профессор Peshev из Дальневосточного отделения РАН,

в предконфликтный период сотрудничество в формате «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России» переживало процесс перехода «от беспорядочного процветания к упорядоченному упадку» [8. С. 12]. Однако текущая геополитическая ситуация кардинально изменила динамику взаимодействия, создав беспрецедентные возможности для трансформации данного формата сотрудничества в качественно новую фазу развития.

Начиная с 2022 года наблюдается значительная акселерация реализации российского «восточного вектора», что придало качественно новые динамику и содержание сотрудничеству в формате «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России». Катализатором данного процесса стал март 2023 года, когда в ходе официального визита китайского руководителя в Россию на высшем уровне была подтверждена стратегическая значимость этого направления в системе двусторонних экономических отношений, а также выработаны конкретные механизмы повышения эффективности взаимодействия [10]. Анализ двустороннего сотрудничества за указанный период выявляет два стратегических приоритета, сформировавших новую парадигму взаимодействия. Первый приоритет связан с реализацией масштабных инфраструктурных проектов трансграничного характера, где особое внимание уделяется созданию международных транспортных коридоров и современных логистических терминалов. Второй приоритет предполагает внедрение инновационных моделей межрегионального сотрудничества, что нашло выражение в институционализации новых координационных механизмов и создании специализированных платформ взаимодействия.

В сфере трансграничной инфраструктуры следует особо отметить введение в эксплуатацию в июне и ноябре 2022 года автомобильного моста через Амур у Хэйхэ и железнодорожного моста у Тунцзяна соответственно, что создало два новых сухопутных коридора для перемещения грузов и пассажиров между Китаем и Россией. Знаковым событием стало подключение 21 февраля 2023 года Ковыктинского газоконденсатного месторождения к газопроводу «Сила Сибири» на участке Ковыкта-Чаянда, ознаменовавшее полную интеграцию восточного маршрута российско-китайского газопровода. Перспективным проектом стало строительство в Забайкальском крае нового зернового терминала, который станет не только крупнейшей в России логистической площадкой для зерна, но и первым в мире специализированным сухопутным пунктом пропуска полного цикла. Данный объект позволит устранить инфраструктурные ограничения для экспорта зерновых из Сибири и Дальнего Востока с планируемой пропускной способностью свыше 8 млн тонн зерновых, бобовых и масличных культур в год.

В аспекте инновационных механизмов межрегионального сотрудничества следует выделить инициативу заместителя председателя правительства РФ – полномочного представителя президента в ДФО Юрия Трутнева от 17 ноября 2022 года о создании единой территории опережающего развития на всем Дальнем Востоке [1]. Знаковым событием стало заявление газеты «Независимая» 21 декабря 2022 года после визита Дмитрия Медведева в Китай о планируемых

китайских инвестициях в 79 стратегических проектов на общую сумму 160 млрд долларов США, охватывающих такие сектора как энергетика и добыча полезных ископаемых, инфраструктура, автомобилестроение, сельское хозяйство, машиностроение и IT-индустрия. Особое значение приобретает масштабное экономическое сотрудничество в ДФО, где российская сторона рассматривает создание единой мега-специзоны экономического развития, что, однако, не представляет собой эксклюзивной политики, ориентированной исключительно на Китай.

В июне 2023 года министр по развитию Дальнего Востока и Арктики Чекунков заявил о планах создания в регионе нескольких международных территорий опережающего развития (ТОР), где новые резиденты получают комплекс налоговых льгот и административных преференций. Несмотря на имеющуюся задержку в законодательном оформлении данной инициативы, перспективы реализации международных ТОР оцениваются экспертами как достаточно оптимистичные, что обусловлено как стратегической важностью Дальнего Востока для национальной экономики, так и его возрастающей ролью в системе международного экономического сотрудничества.

4.3. Глобальное управление: региональная синергия как катализатор трансформации миропорядка. Анализ российско-украинского конфликта и западных санкций в контексте глобального управления выявил системные недостатки существующей архитектуры международных отношений. Унилатеральные санкционные меры, инициированные западными государствами, не только нанесли ущерб национальным интересам России, но и дестабилизировали международный экономический порядок, подорвав основы многостороннего сотрудничества. В этом контексте российская стратегия «Поворот на Восток» и развитие китайско-российского сотрудничества в формате «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России» предлагают альтернативную парадигму трансформации глобального управления. Данная модель, основанная на принципах взаимного уважения, многосторонности и учете интересов всех сторон, демонстрирует потенциал для создания более справедливой и устойчивой системы международных отношений, альтернативной устоявшейся западной гегемонии.

В рамках углубления межрегионального сотрудничества Китай и Россия достигли значительного прогресса в таких сферах, как инфраструктурное строительство и экономическое взаимодействие. Данная модель регионального сотрудничества не только способствует укреплению стабильности и повышению динамики развития соответствующих территорий, но и вносит новый импульс в процесс глобального управления. Параллельно наблюдается постепенное восстановление двустороннего сотрудничества в образовательной, гуманитарной и туристической сферах, что стимулирует народную дипломатию и взаимопонимание между обществами двух стран. Эти процессы создают прочную социальную основу для формирования более справедливой, сбалансированной и инклюзивной системы глобального управления, соответствующей современным реалиям многополярного мира.

Таким образом, стратегический «восточный вектор» России, реализуемый с 2022 года, и развитие сотрудничества в формате «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России» представляют собой важнейший геополитический выбор, сделанный в условиях крайне нестабильной международной конъюнктуры. Многоаспектный анализ, охватывающий геоэкономическое измерение, вопросы безопасности и глобального управления, свидетельствует о значительном трансформационном потенциале данной стратегии в международных отношениях. Перспективы дальнейшей реализации этого курса открывают новые возможности для формирования более стабильной и сбалансированной региональной архитектуры, способной оказывать позитивное влияние на глобальные процессы в условиях становления полицентричного миропорядка.

5. Результаты исследования. Настоящее исследование представляет собой системный и глубокий анализ потенциала китайско-российского сотрудничества в контексте взаимодействия стратегии «Поворота на Восток» с геополитической средой Северо-Восточной Азии. Методологический аппарат исследования включает концептуальный анализ стратегической парадигмы, историко-генетическое исследование ее эволюции, структурно-мотивационный анализ ключевых детерминант, а также комплексную оценку параметров региональной безопасности. Полученные результаты свидетельствуют о существенной конвергенции интересов сторон в трех взаимосвязанных плоскостях: геоэкономической, военно-политической и глобально-управленческой. Теоретическая значимость проведенного анализа заключается в разработке инновационной концептуальной модели многоуровневого стратегического партнерства, релевантной современному этапу перехода к постбиполярной системе международных отношений.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что стратегический курс России на «Поворот на Восток» представляет собой не просто реакцию на западные санкции и стремление к диверсификации внешнеполитических связей, а продуманную системную переориентацию геополитических приоритетов в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Особую значимость приобретает обнаруженная в ходе анализа стратегическая конвергенция между российским «восточным вектором» и геополитическими особенностями северо-восточного региона Китая, создающая уникальные возможности для углубления двустороннего сотрудничества.

Эмпирические данные подтверждают устойчивую положительную динамику в торгово-экономической сфере, где стабильный рост объемов товарооборота и надежность энергетического партнерства демонстрируют значительный потенциал дальнейшего развития. В области безопасности реализация совместных инфраструктурных проектов и разработка инновационных форматов межрегионального взаимодействия способствуют формированию прочной основы региональной стабильности. На глобальном уровне усиление российско-китайского стратегического партнерства вносит существенный вклад не только в обеспечение устойчивого развития макрорегиона, но и в процесс

формирования более сбалансированной и полицентричной системы международных отношений.

Настоящее исследование обладает значительной практической ценностью. Прежде всего, в геоэкономическом измерении работа выявляет «эффект двойной движущей силы», создаваемый энергетическим сотрудничеством и трансграничной инфраструктурной взаимосвязью между Китаем и Россией. Во-вторых, в сфере безопасности предложенная концепция построения «сообщества нетрадиционной безопасности» обладает непосредственной ценностью для политического применения. В-третьих, на глобальном уровне пропагандируемая модель «ориентированного на развитие регионального управления» предлагает инновационное решение проблемы дефицита управления в Северо-Восточной Азии.

Таким образом, систематический анализ потенциала китайско-российского сотрудничества в условиях взаимодействия стратегии «Поворот на Восток» с геополитической средой Северо-Восточной Азии не только обогащает академические исследования в данной области, но и предоставляет ценные ориентиры для будущей практики двустороннего сотрудничества. Перспективные направления исследований могут включать углубленное изучение конкретных путей реализации, вызовов и стратегий реагирования, что внесет вклад в продвижение всеобъемлющего китайско-российского партнерства стратегического взаимодействия на новый уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Весь Дальний Восток может стать единой территорией опережающего развития // Ведомости. 17.11.2022 // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/17/950880-ves-dalnii-vostok>.
2. **Ельникова Ю.В.** Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3 // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71764.
3. 2024年我国东北地区进出口规模再创新高. In 2024, the scale of import and export in northeast China will hit a new high (In Chin.) // https://www.gov.cn/lianbo/difang/202501/content_7001835.htm.
4. 李自国. 俄罗斯«转向东方»政策演变及前景展望. 俄罗斯学刊, 2024年第4期, 第52-69页. **Li Ziguo.** The evolution and prospects of Russia's «turning to the East» policy // Russian Journal of Science. 2024. No. 4. (In Chin.).
5. 柳丰华. 俄乌冲突促使俄罗斯转向中国. 俄罗斯学刊, 2024年第5期, 第5-23页. **Liu Fenghua.** The Russia-Ukraine conflict prompted Russia to turn to China // Russian Journal of Science. 2024. No. 5. (In Chin.).
6. 王鹏. «汰逐»中国:美国对华战略竞争的实质. 世界知识, 2023年第9期, 第35-37页
Wang Peng. «Eliminating» China: the essence of the U.S. strategic Competition with China // World Knowledge. 2023. No. 9. (In Chin.).

7. 黄凤志 刘勃然. 东北亚地缘安全环境新变化与中国的应对. 吉林大学社会科学学报, 2024年第4期, 第99-113+237页. **Huang Fengzhi & Liu Bolan.** The new changes in the geopolitical security environment in Northeast Asia and China's response // Journal of Social Sciences of Jilin University. 2024. (In Chin.).
8. C. K. 斯佩采夫 臧颖. 中俄跨境合作: 未实现的历史机遇 (二). 黑河学院学报, 2022年第12期, 第12-14+75页. **Pessev S.K. & Zang Ying.** Cross-border cooperation between China and Russia: Unrealized Historical opportunities (2) // Journal of Heihe College. 2022. No. 12. (In Chin.).
9. 中俄关系: 造福两国人民 助力发展振兴. 光明网, (In Chin.) // https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2025-05/06/nw.D110000gmrb_20250506_1-12.htm.
10. 中华人民共和国主席和俄罗斯联邦总统关于2030年前中俄经济合作重点方向发展规划的联合声明. 人民网, (In Chin.) // <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0322/c64094-32648994.html>.
11. See «Defying sanctions and pivoting East: Here's why the Russian economy not only survived, but grew in 2023» // RT. 29.12.2023 // <https://www.rt.com/business/589686-russian-economy-defies-sanctions/>.

GUAN SHAOYANG

Lecturer of Dalian University of Foreign
Languages, China
ORCID ID: 0000-0002-0763-9726

THE POTENTIAL OF CHINA-RUSSIA COOPERATION UNDER THE 'PIVOT TO THE EAST' STRATEGY AND THE GEOPOLITICAL DYNAMICS OF NORTHEAST ASIA⁶

Amid the restructuring of global power dynamics and profound geopolitical transformations in Northeast Asia, Russia's systematic implementation of its «Pivot to the East» strategy has intersected historically with the deepening of China-Russia comprehensive strategic cooperation. This paper analyzes the synergy between the two nations in geoeconomic integration, security cooperation mechanisms, and global governance reform, using Russia's reorientation toward Asia and its regional engagement in Northeast Asia as the analytical framework. The study finds that Russia's strategy serves dual purposes – domestic development of the Far East and international realignment – with its motivations evolving from expanding Asian influence to countering Western sanctions and achieving diplomatic diversification, embodying Russia's

⁶ Acknowledgements. The work was carried out with the financial support of the Dalian University of Foreign Languages 2025 Fundamental Research Project (Chinese-Foreign joint research project) «Research on the orientational transformation of multimodal Discourse on energy security in Russia» (project number 2025xjzx02)

multipolar foreign policy approach. Meanwhile, China's security and economic interests in Northeast Asia face constraints from regional geopolitical rivalries and U.S. containment strategies, yet the strong alignment in Sino-Russian economic complementarity, shared security concerns, and global governance visions provides a solid foundation for collaboration. Empirical evidence includes their \$244.8 billion bilateral trade in 2024, cross-border infrastructure projects like the Power of Siberia pipeline, 79 major cooperative agreements, and joint efforts to address regional governance gaps and promote a multipolar world order. The research highlights how Sino-Russian cooperation combines economic complementarity, security coordination, and governance innovation, offering valuable insights into emerging powers' regional collaboration models and global strategic adjustments.

Key words: «Pivot to the East» strategy, Northeast Asian dynamics, China, Russia, China-Russia cooperation, geopolitical economy, security cooperation mechanisms, global governance.